

Глава IV. Общий критический взгляд на конституции

Историческая последовательность и логическая сущность французских конституций. — Крайности и средства. — Начало конституционного цикла. — Бесперывные перемены. — Постоянное непостоянство.

Пятнадцать конституций, о которых мы дали отчет в предыдущей главе, поименовав их в хронологическом порядке, и прибавленная к ним с одной стороны инструкции, данные избирателями депутатам Генеральных Штатов, с другой — сенатус-консульты 1852, 1856 и 1857 годов, а также декрет 24 ноября 1860 года, являясь предвестниками новой конституции, составляют в настоящее время весь ансамбль наших политических эволюций.

Прежде всего надо однако заметить, что тот исторический или хронологический порядок, в котором эти конституции следовали одна за другой и которого мы придерживались при их рассмотрении, не показывает еще их рациональной связи между собой, если только предположить в них существование какой-нибудь связи; и что посему порядок этот отнюдь не представляет нам теории всех этих переворотов. Мы видим, что после монархической конституции появляется ультра-демократическая, за этой же следует умеренно-буржуазная республика, потом является военная автократия, за ней парламентская монархия, потом опять демократия, наконец — империя. Но во всем этом нет ничего такого, что дало бы нам возможность подозревать нечто общее во всех этих конституциях, которые представляются столь противоречащими одна другой. В самом деле, что соединяет их, какую мысль они проникнуты, зачем так часто сменяются они одна другой, переходя из одной крайности в другую и обнаруживая общую несостоятельность. Вот именно этот-то закон превращений и следует изучить.

Невольно спрашиваешь себя, не суть ли все эти превратности — действие рока или провидения, и во всяком случае, какой разум в них действует.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, представляется только одно средство — тщательно рассмотреть все эти конституции и сравнить их между собою по их отношению к свободе общественной, провинциальной, корпоративной и индивидуальной, по отношению к гражданскому, публичному и народному праву, наконец по отношению к философии, искусству, цивилизации и нравам и пр. Но такой труд потребовал бы необъятных томов, которых никто бы не стал читать; логическое же исследование дает возможность быть

кратким и необременительным для читателя.

Выше мы показали хронологический порядок наших пятнадцати конституций; теперь мы рассмотрим их в другом порядке, и вместо исторической их последовательности, ничего нам не объясняющей, будем исследовать их логическую последовательность. Я понимаю под этим такое рациональное сопоставление всех этих конституций, рассмотренных в их внутренней сущности, которое представило бы их все вместе, как ступени одной и той же системы, как видоизменения или частности её.

Исходным пунктом такого сравнения мы примем конституцию 1804 года, самую автократическую из всех; нам легко будет убедиться, что более всех приближается к ней по своему аутентическому характеру конституция 1802 года; затем третья в том же роде будет конституция 1852 года. Таким образом, следуя этому порядку сравнения, мы придем к конституции 1793 года, которая совершенно противоположна первой, и в которой мы видим полнейшее развитие демократических начал и никаких признаков автократизма. Хартия же 1814–1830 г. составляет нечто среднее.

Рациональная серия конституций французского народа, от 1789 до 1864 г.

Конституция 1804 г. империалистская, чисто автократическая.

Конституция 1802 г. диктаториальная с пожизненным консулом.

Конституция 7 ноября 1852 г. империалистская и автократическая, слегка смягченная.

Конституция 14 января 1852 г. диктатура на 10 лет.

Конституция 1799 г. диктаториальный триумвират на 10 лет.

Конституция 24 ноября 1860 г. империалистская, с парламентарной тенденцией.

Конституция 1815 г. конституционно-империалистская.

Конституция 27 июля — 30 августа 1789 г. согласно тому, как она проектирована в инструкциях, — конституционная монархия, окруженная феодальными воспоминаниями.

Конституция 1815 г. империалистская, представительная и quasi-парламентарная.

Конституция 1814 г. конституционная монархия представительная и парламентарная; законная династия; возвышенный избирательный ценз.

Конституция 1830 г. такова же, лишь с понижением избирательного ценза, с определенной королевской прерогативой, избирательная династия.

Конституция 1791 г. конституционная монархия, представительная, но не парламентарная — с подчинением королевской власти собранию.

Конституция 1795 г. республиканская, но без прямых выборов; две палаты, пять членов директории.

Конституция 1848 г. республиканская, демократическая; всеобщая и прямая подача голосов; одна палата и президент.

Конституция 1793 г. представительная, демократическая; одно собрание; все должностные лица назначаются народом.

Весьма важно заметить, что ни конституция 1804 г., ни конституция 1793 г. в сущности не суть точные выражения автократического абсолютизма, или чистой демократии, вследствие того, что ничто абсолютное по самой природе своей не осуществимо.

Не следует, однако, приходить к заключению, что эти два сорта конституций представляют собою противоположности: действительно, многого еще не достаёт, чтобы демократический принцип был так далеко введен в конституции, как противоположный ему принцип империализма. Конституция Робеспьера не представляет безусловной противоположности конституции Наполеона; в силу этого, с 1815 года, некоторые демократы, надеясь возбудить в массах рвение к республиканским учреждениям, предложили — под именем прямого участия в *правлении*, прямое *народное законодательство*. Проекты этих конституций, по отношению к принципу народного самодержавия, далеко оставляют за собою акты 1848, 1795 и даже 1793 годов. Я не буду в настоящее время оценивать достоинства этих предложений; я хочу только, в подкрепление теории, дать заметить, что эти системы ни в чем не изменили бы сущности нашей аналитической таблицы, задача которой заключается в том, чтобы наглядно и в форме рациональной картины доказать, что все возможные конституции, сколько бы их ни было, всегда сгруппируются около двух диаметрально противоположных пунктов, составляющих так сказать крайние звенья этой цепи. Понятно, что если конституция 1804 года соединила всю власть в руках одного человека, то, с другой стороны, противоположная ей конституция могла вручить эту власть народному собранию, которое действовало бы без представительства, магистратуры и министерств. В таком случае всеобщая подача голосов была бы бесполезна. Все равно, будет ли подобная конституция приведена в действие или нет, последствия нашей системы будут те же и наши суждения сохранят свою вероятность.

Вместо того, чтобы начать наш список с конституции 1804 года, бывшей самым полным выражением автократии во Франции с 1789 года, мы точно также могли бы начать его с конституции 1814 г. или со всякой другой, ставя затем те конституции, которые наиболее подходят к предыдущей:

Конституция 1814 г. доктринёрная, представляющая золотую середину.

Конституция 1830 г. склоняющаяся к демократии.

Конституция 1791 г. монархическая субординация.

Конституция 1795 г. с республиканским перевесом.

Конституция 1848 г. такая же с одной палатой.

Конституция 1793 г. подчинение буржуазии народу.

Конституция 1804 г. чисто автократическая и наследственная.

Конституция 1802 г. пожизненная диктатура.

Конституция 7 ноября 1842 г. умеренная автократия.

Конституция 14 января 1852 г. десятилетняя диктатура.

Конституция 1799 г. триумвират на 10 лет.

Конституция 24 ноября 1860 г. императорская, с парламентскими тенденциями.

Конституция 1789 г. конституционная монархия — с дворянскими традициями.

Конституция 1815 г. императорская и quasi-парламентарная.

Примечания:

А) Ряд конституций, который мы представили, следуя нашей истории и сравнению различных лежащих в них принципов, составляет то, что я называю *конституционным циклом*, или кругом, в котором всякому обществу суждено возвращаться до тех пор, пока оно не приобретет окончательной организации. Этот цикл есть результат того перевеса, который последовательно достается каждому из социальных элементов; он более или менее обрисовывается в истории всех народов.

С помощью этого круга мы можем уяснить себе истину, выражающуюся в известной поговорке *les extrêmes se touchent* (крайности сходятся), которая, однако, скрывает в себе что-то таинственное для ума.

Если представить себе этот ряд конституций изображенным в форме радиусов круга, то легко будет убедиться, что крайности автократии и демократии настолько же близки друг к другу, как и средние системы парламентаризма. А так как теория всегда имеет свое применение на практике, то мы и находим здесь объяснение явления давно замеченного, но очень мало или вовсе не выясненного и заключающегося в том, что в тех государствах, которые подверглись конституционному движению, весьма часто оказывается, что правительства, дойдя до демократических крайностей, вместо того, чтобы путем правильного вращения обратиться к разумной середине, делали резкий поворот к автократии или к абсолютной власти. Ничто в теории так не противоречит друг другу, как автократия и демократия, отделяющиеся одна от другой множеством смешанных правительственных систем, но в тоже время ничто так близко не соприкасается, как эти две формы. Так что, если движущая сила, или руководящая страсть, направляющие государство то к принципам демократии, то к полнейшему абсолютизму, не задержит власти в тот момент, когда она приближается уже к достижению какого либо из этих пределов, то

власть эта как бы перескакивает идеальный интервал, разделяющий эти два предела, и становится на ноги уже совершенно видоизмененною. И странно, очень часто замечали, что самые рьяные демократы обыкновенно скорее всех мирятся с деспотизмом, и, наоборот, защитники абсолютного права, в подобных же случаях, делаются самыми яркими демагогами: как будто душа человека в этом отношении совершенно сходится с социальной метафизикой.

В) И так, ряд рассмотренных нами конституций, взятый в его ансамбле, представляет собою нечто в роде высшего организма, составленного из низших организмов, или низших систем, и который подобно животному телу состоит из органов и внутренних частей, душевных способностей и т. п. Организм этот также можно сравнить с огромной машиной с зубчатыми колесами, в котором то, что мы называем формой, или системой правительства (монархия, аристократия, демократия и пр.), есть не более как движение отдельных колес и в котором обществу дается движение в том или другом направлении. Организм этот можно также сравнить с солнечным зодиаком, двенадцать знаков которого поочередно служат станциями для солнца и который годовым и суточным кругообращением образует систему времен года — этот постоянно возобновляющийся образ мировой жизни.

Как бы то ни было, но из всех этих сравнений, очевидно недостаточных, можно вывести одно только верное заключение, — что, в сущности, не существует различных родов правительств, отдельных один от другого, — родов, изобретаемых фантазией или гениальностью законодателей, и из которых каждая нация призвана выбрать наиболее подходящий к её темпераменту. Напрасно хвалился Солон, что конституция, которую он дал афинянам, была более всякой другой им свойственна: доказательством тому служит то, что еще задолго до появления римлян, — даже еще до Филиппа, — слава Афин и их свобода погибли от этой конституции. Если бы афинское общество существовало до наших дней, поставленное в другие условия и под другие влияния, весьма возможно, что оно поступило бы точно так же, как поступает в течении 24 лет французское общество, т. е. оно испробовало бы весь ряд конституций и жило бы революционной жизнью. Оно еще раз доказало бы нам своим примером, что для всех народов существует лишь одна и та же политическая система — соответствующая их элементам и условиям, и состоящая из всех тех различных порядков, которые мы называем правительствами, но такая система, истинный синтез которой до сих пор не мог быть воспроизведен, по причинам, которые мы рассмотрим ниже.

Доказательством истины этого синтеза, к которому призван человеческий род, и доказательством того, что все упомянутые нами правительства, рассматриваемые с разных точек зрения, являются искалеченными и с трудом дышащими, служит то, что они, как доказал опыт, не представляют никакой серьезной гарантии и долговечности, что они лишены прочности и равновесия и при анализе представляют лишь противоречия; наконец, повторяю, все эти правительства, собранные в одну синоптическую таблицу и подобранные, так сказать, сообразно их различным свойствам, представляют собою различные фазы того великого круговорота, в котором государство двигается взад и вперед, кружится, то стараясь утвердиться на одной из средних точек, то стремительно проходя чрез целый ряд систем и иногда быстро переступая идеальную черту, отделяющую крайности. Таким образом, представленный нами конституционный цикл, указанный нам логикой, должен быть рассматриваем в той форме, какую мы ему дали, не столько как точное и

определяющее выражение социальной системы, сколько изображение различных гипотез, или даже только опытов или приготовлений, ведущих к ней.

С) Политическая система не только едина по своей природе, что проявляется в самом видоизменении её в правительственных формах, но является и безусловно-необходимой, постоянной и неизменной в своей сущности. Система эта имеет свои данные в условиях и элементах общества, и подобно тому как самое общество и все человечество, в каких бы фазах они не находились, — не изменяет всей совокупности своей феноменальной жизни; подобно тому, как оно остается неизменяемым в своей сущности, как и самый земной шар, которого оно есть венец, подобно материи, всю энергию которой оно заключает в себе, подобно жизни, которая находит в человечестве свое высшее выражение, подобно духу, которого оно есть глагол, и наконец подобно справедливости, истолкователем которой оно является, — и политическая система, которая нами управляет, в своих ли подготовительных фазах, или в своей законченной форме — неизменна. Это не требует большего разъяснения.

Мы допускаем a priori, что если человек, как разумно-свободное существо, живет в обществе и признает над собою справедливость, то общество не может не установить у себя известный порядок, иначе сказать — образовать правительство, будет ли оно вверено одному избранному лицу, под названием государя, императора или короля, или несколькими уполномоченным, составляющим сенат, патрициат, аристократию, (если управление представляется невозможным в форме всенародного собрания), будет ли правительственная власть отправляема ad libitum — самодержавною волею, коллективною или индивидуальною, или на основаниях традиций и обычаев, или же наконец руководясь положительными правилами и выработанными законами. Все эти элементы, кажущиеся исключаящими друг друга, соприкасаясь между собою, группируются и комбинируются в различных пропорциях, как например автократия, умеряемая влиянием аристократии или демократии, или совершенный произвол, ограничиваемый и изменяемый обычаем, или инициатива государя, ограничиваемая инициативою сената, или и в том и в другом случае ограничение будет принадлежать народному представительству и письменному закону, и вообще как бы ни изменялись подчиненность классов, должностей и прерогатив. Все это может видоизменяться до бесконечности, и вот почему между двумя крайностями, автократией и демократией, можно вставить столько средних форм, сколько угодно. Но все это отнюдь не изменяет системы, а напротив утверждает ее, и все, что история может заключить из подобных видоизменений в государстве, это только то, что общество страдает, что оно ищет для себя опоры, часто даже падает и, не имея возможности восторжествовать над своим бессилием, клонится к смерти. Следовательно политическая система, как мы ее теперь понимаем, стоит выше всякого осуждения, свободна от всяких необдуманных человеческих планов, более прочна и более долговечна, нежели племя или даже национальность. В политике мы можем отдаться всем возможным оргиям, испробовать все гипотезы, переходить от равновесия властей к диктатуре, от империи к демагогии, но мы никак не перейдем роковой границы и одно из двух: или мы погибнем в наших безумных эволюциях, или придем к тому последнему синтезу, в котором залог мира и счастья народов[8].

Д) Третий характер конституционного цикла или системы, рассматриваемых во всяком случае в их общей совокупности, составляет её антиномию, или внутренний элемент противоположности, лежащей, в сущности, двух сопротивляющихся одна другой

крайностей, которые никогда не могут ни поглотить, ни исключить друг друга. В государстве самом автократическом всегда находится элемент демократический, на том основании, что прямой разум говорит, что не может быть государя без подданных, и наоборот во всякой демократии постоянно проявляется автократический элемент, потому что государству всегда присуще единство власти, — единство, проходящее чрез все органические деления; государство индивидуализируется лишь преимущественно для того, чтобы обеспечить единство действий в органах, которыми являются исполнительные должности. Пусть говорят, что избранник или представитель народа есть только его уполномоченный, его служитель, носитель народной власти, его адвокат, его истолкователь; вопреки этому теоретическому определению верховной власти народа и вопреки официальной и легальной подчиненности его своему правителю, представителю или толкователю, — никогда не бывает, чтобы влияние и авторитет народа осилили его представителя и чтобы он был действительно только уполномоченным народа. Не взирая ни на какие принципы, постоянно случается, что этот уполномоченный делается господином своего суверена и это не потому, — как могли бы подумать, что уполномочиваемое лицо обыкновенно бывает способнее тех, кто дает ему полномочие, но потому, что по самой сущности верховной власти действительный суверен есть тот, кому народ согласился верить власть. Безусловный суверенитет, если можно так выразиться, еще идеальнее, чем безусловная собственность. Различие между безусловностью и условностью этих понятий существует только в терминах, но иначе и быть не может. Мы должны знать цену слов и выражений и уметь употреблять их.

Е) Политическому организму, как в его ансамбле, так и в отдельных фазисах или формах, присуща антиномия, или противоположности; отсюда следует, что он существенно подвижен: неподвижность, которую часто смешивают с постоянством, чужда обществ, что бы ни говорили теоретики абсолютного права, точно также, как разум чужд камням, любовь чужда пространства, идеал и религия недоступны животным. В этом и заключается тайна политической жизни. Общество постоянно находится в действии, постоянно занято самосозданием, идет ли оно вперед или отстывает назад; без этого немислим прогресс: цивилизация была бы теперь такую же, какую была в первобытное время; человек, истощив свои первоначальные созерцания, оставался бы в *status quo*; он был бы первым между видами животных, способных к труду, но ничего не прибавил бы к знаниям своих предков, и назначение человечества было бы выполнено после первой же генерации.

Я постараюсь в нескольких словах объяснить, каким образом в политической системе антиномия порождает движение.

«Дайте мне материю и движение, говорил один математик, и я объясню вам мир.»

Но математик этот требовал лишнего; по моему мнению, ему нужно было только объяснить, каким образом движение происходит из антитезных свойств материи, или иначе сказать из столкновения идей.

Я утверждаю; что причина движения в политической системе есть ничто иное, как сцепление целых рядов различных систем, число которых, как мы видели теоретически, бесконечно (смотри примечание С) и которые так связаны, что ум, как бы он ни был тонок, постоянно скользит от одной к другой и не может остановиться ни на одной.

Слово и мысль — различны между собою; первое называет, определяет, индивидуализирует, так сказать, предметы и своими определениями, индивидуализацией и наименованием, помогающими ему делать идеи конкретными, оно достигает до известной степени возможности отличать их одну от другой, и это помогает мысли моментально сосредоточиваться на них. Без сомнения, определения эти не верны, и логика это подтверждает, говоря, что *omnis definitio periculosa*. Наши рассуждения часто бывают ложны и наши заключения печальны; выше мы видели этому пример в понятии о мнимых уполномоченных народного суверенитета. Надо было много времени, прежде чем философия заметила, что логика конечных величин не применима к политическим идеям. Тем не менее даже в нравственных и метафизических науках слово — при всех своих недостатках — оказывает нам громадные услуги, и мы не могли бы обойтись без него. Но человек, который, довольствуясь самым употреблением слова, привык мыслить без помощи определительных данных, поступает совершенно иначе. Он не останавливается на конкретных явлениях; индивидуальности едва его интересуют, его занимают законы вещей: он парит над идеями, над родами и видами предметов, он перелетает от одной группы к другой; его интеллекция находится в непрерывном движении. Все различные предметы, которые видят наши глаза, называют наши уста, слышат наши уши, которые представляются нашему уму отдельно, производя на вас впечатление видораздельности, теряют свои различия и представляются нам лишь как изменчивые формы, когда мы созерцаем их взором одного нашего понимания. Что такое для натуралиста птица, рыба или четвероногое? Экземпляр известного вида животных, составляющего часть известного рода, который образует в свою очередь часть высшей категории, входящей в одно из царств природы. В животном, которое вы только называете, натуралист видит все это в один раз, и он не может не видеть этого, и если бы он не видел, то его наука была бы ничто и в таком случае он имел бы лишь одно понятие о фигуре животного. Но охотник, который в преследуемой им дичи видит только лишь предмет потребления, — воспринимает ее только в её отличительной форме, в её индивидуальности; для него козленок есть не более как козленок, куропатка — куропатка и т. д. Он вовсе не думает ни о жвачных, ни о толстокожих, ни о четвероруких и не более думает о воробьях, или лапчатоногих птицах. Как бы ни было неуловимо нравственное или физическое различие, по которому можно отличать животных, с которыми охотник ведет войну, он никогда в них не ошибется; он уверен, что никогда их не смешает, и в этом отношении он конечно видит гораздо яснее всякого учёного, который, стараясь дать себе отчет о животном путем обсуждения этих различий, проявляющихся прежде в чувствах и затем отмечаемых словом, путается в классификации животных, приходит только к признанию собственного своего бессилия и кончает тем, что сознается, что для него — человека науки — волк и собака не отличаются один от другой и что кошка и тигр одно и то же животное.

Таким образом, философская мысль, которая из желания удовлетворить своему собственному любопытству и приподнять хотя край завесы природы, вынуждена проникать далеко за пределы чувственных признаков и пренебрегать их определениями, в большинстве случаев поставлена бывает в необходимость возвращаться к ним, чтобы не впасть в нелепость[9]. То, что мы сказали о естественных науках, ничто в сравнении с тем, что ожидает философа в науках нравственных и политических. В первых, по крайней мере внешние чувства на половину помогают наблюдению, и если им еще многого не достаёт для того, чтобы быть наукой, они во всяком случае вводят нас в преддверие знания, и их истины не могут быть отвергаемы. Но что найдете вы доступного человеческому чувству в

предметах, относящихся до политики и социальной организации?..

Ясно, что вопросы социальные находятся вне чувственного опыта и недоступны свидетельству чувства; они возвышаются до чистого разума, и вульгарная диалектика, с помощью рутинных определений, или обаяния красноречия, не разрешит их. Никакое внешнее указание не может служить маяком публицисту, когда увлеченный политическим вихрем гипотез (которые все входят одна в другую, которые все могут быть заменяемы одна другою, почти не изменяя ничего на деле, как мы видели это в нашей теории крайностей, и ни на одной из которых нельзя с полной научной добросовестностью остановиться предпочтительно), он по неволе спрашивает себя, не сделался ли он предметом шутки, не впал ли в галлюцинацию, не отдано ли само человечество на произвол случая и не будет ли умнее оставить мир его собственному свободному произволу, а власть первому, кто ее захватит?

Это безвыходное положение политической мысли имеет свои основательные причины: идеи повсюду находятся в колебании, как в умах властителей, заинтересованных в сохранении status quo и проявляющих в каждом действии свой скептицизм, так и во мнениях масс, бросившихся очертя голову в революцию. Никто не может похвалиться, что он верно держался одного принципа и до конца довел его последствия, или защищался от противоречащих идей. Я указал причину всего этого: она состоит в том, что политика, занимающая столь видное место в практической истории человечества, ограничивается исключительно сферой интеллекции, где идеи освобождены от бремени материи и эмпиризма.

Нужно ли после всего прибавлять, что человек постоянно действует не иначе как от избытка мыслей и что его действия суть выражение его сознания; как скоро он будет осуществлять свои соображения, то его предприятия, поступки и учреждения будут аналогическими с его мыслями, и агитация жизни сообщит агитацию мысли.

События, рассказанные нами в двух первых главах, вследствие всего этого приобретают совершенно новый свет. С 1814 до 1830 года французская нация, захваченная текстом хартии, подтверждая этот текст, подозревала, что корона имеет в виду его уничтожить, и остановилась на этом подозрении; она хотела сделать текст хартии неизменяемым и сама в нем утвердиться. Два раза она мстила династии за то, что она налагала руку на хартию. Можно сказать, что в то время вся нация разделяла это мнение. Но эта мания неподвижности не могла долго существовать: с 1840 до 1848 года идеи развивались в стране и быстро пришли в движения; в течение 15 лет мы переходим от одной крайности к другой, потом возвращаемся к середине и ничего более не делаем, как пересуживаем себя. Так будет до тех пор, пока мы не научимся господствовать над силою, которая нас повергает в такое положение и которая, в сущности, есть ничто иное, как подвижность нашей мысли.

Я объясню вкратце.

Все правительства прошедшие, настоящие и будущие, изображённые и воображаемые, сравненные между собою и поставленные в ряд соответственно их характеру, представляются отдельными органами обширной системы, похожей на лабораторию или

экзерциционный плац, на котором посредством разных эволюций, или опытов, совершается политическое воспитание человечества.

Выражаясь более простыми словами, правительственные формы, исключительно эмпирические, которые испробовало человечество до сих пор, могут быть рассматриваемы как насильственное превращение, более или менее нелогичное, искажение истинной системы, открытия которой домогаются все нации. XIX век в особенности замечателен всеобщим усердием этого изыскания.

Эта система, окончательный синтез всех политических соображений, вытекающая a priori из элементов и условий общества, есть система неизменная, антиномическая и находящаяся в непрерывном движении.

Внутренняя подвижность её, происходящая динамически из антиномий, или противоположностей, лежащих в её основании, есть, так сказать, autokinetos, самодвигатель её и производитель её самодвижения.

Результатом равновесия в политической системе является нормальная жизнь собирательного существа — нации, государства.

Если равновесие и будет разрушено, движение все-таки не прекратится, но в обратном виде: противодействие элементов перейдет в антагонизм, и положение общества примет революционный характер.

Теперь нам остается отыскать причину нарушения равновесия в политическом порядке и тех катастроф, которые от того происходят.

Версия #1

Зверобой создал 15 марта 2025 04:50:39

Зверобой обновил 15 марта 2025 04:52:11